

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА КРАСОВСКАГО

I.

Краткія замѣчанія о войнѣ Турецкой 1808, 1809
1810 и 1811 годовъ.

Въ 1808 году, въ маѣ мѣсяцѣ, 15я лѣхотная дивизія Маркова прибыла изъ Италіи въ Молдавскую армію и по большому некомплекту людей расположена была въ Батушанахъ и окрестностяхъ, впредь до укомплектованія ратниками изъ бывшаго ополченія; здѣсь она оставалась до весны 1809 года и не принимала участія въ лагерѣ при Кальянахъ, гдѣ собраны были главныя силы арміи и оставались около трехъ мѣсяцевъ на низкомъ и болотистомъ мѣстѣ; отъ этого въ войскахъ было весьма много больныхъ, чего не случилось бы, еслибы лагерь былъ поставленъ на рѣкѣ Серетѣ, въ окрестностяхъ Галаца, въ мѣстахъ возвышенныхъ и здоровыхъ и въ военномъ отношеніи самыхъ приличныхъ.

Кампанія 1808 года, сколько я могу припомнить, прошла въ бездѣйствіи, кромѣ отличнаго подвига Милорадовича съ отдѣльнымъ корпусомъ въ Букурештѣ, на котораго Турки

сдѣлалъ движеніе въ превосходныхъ силахъ отъ Журжи и Силистріи. Оставивъ при Букурештѣ самый слабый отрядъ, онъ пошелъ на встрѣчу сильнѣйшаго непріятеля и разбилъ его, послѣ чего Турки вышедшіе изъ Журжи сами ушли обратно. Другія дѣйствія сей кампаніи ограничивались блокадой крѣпостей и наблюденіемъ Молдавіи и Валахіи. Кампанія сія заключилась распущеніемъ войскъ на зимнія квартиры.

Весною главныя силы арміи, до двадцати трехъ тысячъ человекъ (въ числѣ коихъ находилась и 15я пѣхотная дивизія), собранныя близъ Батушанъ, предъ вечеромъ выступили къ Визирскому Броду. Ночью на походѣ застигла армію ужасная буря съ громомъ и проливнымъ дождемъ. Всѣ войска безъ исключенія потеряли дорогу, и къ утру малыми частями собирались около Мартинешти, на рѣкѣ Рымникѣ, гдѣ должны были оставаться двое сутокъ пока всѣ соберутся. Изъ Мартинешти прибыли на Визирскій Бродъ и расположились на ночлегъ бивуаками. Во всѣхъ почти мѣстахъ гдѣ войска стояли на бивуакахъ, находили солдаты множество зайцевъ, что произвело забавныя сцены, и необыкновенный крикъ по всему лагерю. На другой день фельдмаршалъ князь Прозоровскій отдалъ по арміи приказъ который начинался сими словами: „Къ крайнему сожалѣнію и удивленію моему Высочайше вѣреннаѣ мнѣ Россійская армія до такой степени ослабѣла въ дисциплинѣ что и малѣйшій звѣрь, каковъ заяць, производитъ въ ней безпорядокъ.“

На другой день вся армія построилась въ боевой порядокъ въ двѣ линіи кареями, и въ такомъ положеніи слѣдовала до самаго Браилова, чѣмъ на пространствѣ отъ 15 до 18 верстѣ, кромѣ большой медленности, войска были замучены, и приблизились къ Браилу за три версты уже ночью, гдѣ до разсвѣта оставались, не находя нигдѣ воды. Въ сей день обложенъ Браиловъ, съ раздѣленіемъ войскъ на три корпуса, подъ начальствомъ графа Каменскаго 1го, Маркова и Эссена.

Нѣсколько дней прошло въ незначительныхъ перестрѣлкахъ между казаками и наѣздниками. Въ одной изъ таковыхъ перестрѣлокъ убитъ отличный офицеръ полковникъ Исаевъ 2й.

Засимъ началась осада Браилова, коею управлялъ инженеръ генераль-майоръ Гартингъ, который въ тогдaшнее время считался искуснымъ инженеромъ, но въ арміи не пользовался довѣріемъ, и между солдатами названъ былъ Маркомъ Гробоклателемъ.

Когда на второй параллели осады окончили нѣсколько батарей и произведена была осадною артиллеріей неумѣренно частая пальба, вовсе не повредившая на дальнемъ разстояніи непріятельскихъ укрѣпленій, Гартингъ объявилъ что онъ свое дѣло кончилъ и что остается овладѣть крѣпостью штурмомъ, который и былъ предпринятъ. На штурмъ назначено 7.000 войскъ. Правая и средняя колонны названы атакующими, а лѣвая для демонстраціи. Наканунѣ штурма главнокомандующимъ отданъ былъ слѣдующаго содержанія приказъ: „1) Введенъ въ армію обычай представлять безъ разбора къ наградамъ за отличіе въ сраженіяхъ, а какъ опытами доказано что офицеръ въ линейномъ сраженіи никакого отличія сдѣлать не можетъ, то и запрещается строго представлять таковыхъ къ наградамъ. Тѣ же офицеры которые будутъ находиться въ стрѣлкахъ и другихъ отдѣльныхъ командахъ, хотя и могутъ быть представляемы къ наградамъ, но не иначе какъ по засвидѣтельствованіи всѣхъ товарищей, бывшихъ съ нимъ въ дѣлѣ. 2) Штурмъ назначенный завтрашняго числа произвести по данной диспозиціи, гдѣ сказано чтобы войска перейдя ровъ строились на валу развернутымъ фронтомъ и безъ особеннаго приказанія не осмѣлились входить въ городъ, а кто сего не исполнитъ, тѣ будутъ сосланы въ Нерчинскіе заводы.“ Подробности неудачнаго штурма извѣстны изъ документовъ. Войска дрались со свойственною Русскимъ храбростію. Изъ 7.000 человекъ до 5.000 ранено и убито. Гарнизонъ Браиловскій по самому умѣренному исчисленію простирался до 12.000.

Шестнадцать тысячъ человекъ русской арміи были свидѣтелями пораженія храбрыхъ товарищей своихъ. 13й егерскій полкъ, въ которомъ я будучи капитаномъ командовалъ гренадерскою ротой, изъ 1.100 человекъ подъ ружьемъ потерялъ убитыми и ранеными во рву и на валу до 900 человекъ. Изъ числа офицеровъ только четверо остались не ранеными, въ числѣ которыхъ и я находился, но сюртукъ мой былъ прострѣленъ четырьмя пулями. Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій, бывшій тогда капитаномъ гвардіи и флигель-адъ-

ютантомъ, на штурмъ находился при 13мъ егерскомъ полку и былъ раненъ въ руку, находясь со стрѣлками впередъ. По окончаніи штурма былъ отданъ главнокомандующимъ приказъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „что онъ сидя на курганѣ смотрѣлъ на гибель храбрыхъ воиновъ и обливался горькими слезами“, и хотя Михаилъ Ларіоновичъ „старался утѣшить меня тѣмъ что подъ Аустерлицомъ было хуже, но это не послужило для меня отрадою.“

Отправивъ въ госпиталь раненыхъ и больныхъ и снявъ осаду, армія со всѣми строжайшими воинскими предосторожностями отступила за рѣку Сереть и расположилась лагерьмъ, а главная квартира помѣстилась въ Галацѣ. Здѣсь полки потерпѣвшіе на штурмѣ получили на укомплектованіе резервные баталіоны, а другія войска заняты были устройствомъ дорогъ и переправы черезъ Дунай по направленію къ твердому берегу ниже края Мачина.

Когда войска частію уже переправились за Дунай, то и фельдмаршалъ перенесъ туда же свою главную квартиру, а между тѣмъ Кутузовъ былъ изъ арміи отозванъ, а на мѣсто его былъ присланъ въ армію князь Багратіонъ, который имѣлъ назначеніе командовать всѣми войсками остающимися на лѣвомъ берегу Дуная.

Князь Прозоровскій, достигнувъ главнѣйшаго своего желанія стать твердою ногой за Дунаемъ, былъ самъ въ такой слабости что на третій день послѣ переезда изъ Галаца въ лагерь скончался.

Всякій служившій въ арміи князя Прозоровскаго долженъ съ признательностію вспомнить опытное его устройство продовольственной части и внутренняго управленія Молдавіи и Валахіи, которыя и при другихъ главнокомандовавшихъ не измѣнялись.

Послѣ смерти князя Прозоровскаго, князь Багратіонъ, имѣвшій предварительно высочайшее повелѣніе, объявилъ себя главнокомандующимъ арміей и со всею дѣятельностію открылъ наступательныя дѣйствія противъ Турокъ. Осада Измаила, порученная генералъ-лейтенанту Зассу, взятіе Тульчи и Исакчи и тѣсная блокада Браилова были слѣдствіемъ первыхъ его распоряженій. Войска двинулись отъ переправы къ Гирсову и оттуда на Трояновъ Валъ. Гирсово и Кюстенджи покорены почти безъ сопротивленія. По свѣдѣніямъ что сильный корпусъ турецкій выступилъ отъ Си-

листріи береговою дунайскою дорогою къ Черноводамъ, князь Багратіонъ сосредоточилъ къ сему пункту главнѣйшія свои силы и атаковалъ Турокъ при селѣ Рисовато, которыхъ и разбилъ совершенно. Послѣ чего, пославъ отрядъ къ Базарджику, самъ выступилъ чрезъ Кузгунъ къ крѣпости Силистріи, которая тогда же обложена и стѣснена батареями, вооруженными полевыми батарейными орудіями, по невозможности въ скоромъ времени доставить осадную артиллерию. Въ скоромъ всеменіи получено было извѣстіе что сильный турецкій корпусъ слѣдуетъ отъ Рузюка для освобожденія Силистріи. Отрядъ сей былъ атакованъ княземъ Багратіономъ при селѣ Татарцифъ, а для блокады Силистріи оставался небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генераль-майора Булатова. Въ тотъ самый день когда князь Багратіонъ атаковалъ Турокъ при Татарцифъ, изъ Силистріи сдѣлана была сильная вылазка, которая съ большимъ успѣхомъ и отличнымъ порядкомъ была отражена, причемъ особенно отличились С.-Петербургскій драгунскій полкъ и баталіонъ 13го егерскаго полка, бывшіе подъ личнымъ распоряженіемъ Булатова, храбраго и отлично распорядительнаго генерала.

Князь Багратіонъ въ сраженіи при Татарцифъ хотя съ полнымъ успѣхомъ остановилъ стремленіе Турокъ, но не имѣлъ достаточно силъ разбить ихъ, къ чему способствовали Туркамъ наскоро сдѣланные при Татарцифъ окопы, но убѣдившись что они не осмѣлятся атаковать его, оставилъ часть войскъ для наблюденія ихъ, а самъ возвратился съ главными силами чтобы продолжать стѣсненіе и буде возможно покорить Силистрію.

Правильной осады сей крѣпости предпринять было невозможно по наступившему позднему осеннему времени, продолжать зимнюю кампанію въ краѣ пустомъ и совершенно разоренномъ, а особливо безъ предварительнаго приготовленія способовъ продовольствія, совершенно было невозможно, а потому князь Багратіонъ сдѣлалъ всѣ распоряженія чтобы войска изъ-за Дуная возвратились на зимнія квартиры въ Молдавію и Валахію, вслѣдствіе чего снята была блокада Силистріи и войска выступили къ Гирсову, гдѣ была устроена переправа; но до полученія высочайшаго на сіе разрѣшенія, князь Багратіонъ съ главными силами расположился лагеремъ при Черноводахъ, занимая сильными отрядами Карасу и Кюстенджи.

Между тѣмъ генералъ Зассъ съ отличнымъ успѣхомъ покорилъ Измаилъ, а генералъ Эссенъ продолжалъ осаду Браилова, который и былъ покоренъ сею же осенью.

Князь Багратионъ, получивъ настоящее высочайшее повелѣніе чтобы продолжать зимнюю кампанію, не могъ сего исполнить по вышеописаннымъ причинамъ и потому со всѣми усиліями утвердилъ переправу черезъ Дунай, при Гирсовѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ оставилъ сильный корпусъ (для котораго сдѣланы были землянки) подъ начальствомъ графа Каменскаго 1го, съ остальными войсками перешелъ на зимнія квартиры въ Молдавію и Валахію. Главная квартира расположилась въ Букурештѣ. Сიმъ окончилась кампанія 1809 года.

Вѣроятно что послѣдствія сдѣланныхъ распоряженій были причиной назначенія главнокомандующимъ на мѣсто князя Багратиона графа Каменскаго 2го, который, прибывъ къ арміи до наступленія весны, сдѣлалъ самыя дѣятельныя распоряженія къ наступательному дѣйствію раннею весной. Армія его значительно была увеличена, и чтобы движеніе войскъ за Дунай могло быть исполнено съ успѣхомъ, приготовлялся другой мостъ ниже Туртукая, постройка котораго начата еще при князѣ Багратионѣ.

Весною главныя силы сосредоточены при Гирсовѣ и сильный корпусъ подъ начальствомъ генерала Засса собранъ при устьѣ рѣки Аржишъ, для переправы послѣдняго черезъ Дунай по окончаніи постройки моста.

Другой корпусъ подъ начальствомъ генерала Эссена сосредоточенъ между Букурештомъ и Журжею, какъ для прикрытія края, такъ и для стѣсненія по возможности сей крѣпости.

Главныя силы арміи быстро приблизились къ Силистріи, осадили сію крѣпость и съ большимъ успѣхомъ покорили оную.

Генералъ Зассъ для овладѣнія правымъ берегомъ Дуная, сильно занятаго Турками, собралъ со всѣхъ лѣхотныхъ полковъ охотниковъ, которые ночью на паромехъ и лодкахъ, подъ командой генеральнаго штаба майора Мишо, съ большимъ успѣхомъ и необыкновенною храбростію, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, овладѣли берегомъ, и какъ во время переправы при столкновеніи двухъ паромовъ сильно была зашиблена нога майора Мишо, то начальство надъ охотни-

камъ принялъ я, какъ старшій по немъ 13го егерскаго полк^а капитанъ. Охотники, овладѣвъ берегомъ, заняли ближайшія высоты, опрокинули штыками Турокъ и взяли ближайшій редутъ прикрывавшій крѣпость Туртукая.

Въ тотъ же день переправлено нѣсколько полковъ; полевая артиллерія съ большимъ успѣхомъ съ открытыхъ батарей дѣйствовала по Туртукаю, а ночью Турки оставили крѣпость и удалились къ Рущуку.

Генераль Зассъ, переправивъ весь корпусъ и сдѣлавъ распоряженіе къ слѣдованію осадной артиллеріи, двинулся немедленно для осады Рущука, куда прибывъ, обложилъ сію крѣпость стѣсненною блокадой, не взирая на сильное сопротивление гарнизона, который состоялъ по всеѣмъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ 20 тысячъ человекъ войскъ и вооруженныхъ жителей подъ начальствомъ храбраго Бошняка-Аги.

Между тѣмъ корпусъ графа Каменскаго 1го штурмомъ взялъ Базарджикъ, а главнокомандующій съ успѣхомъ покорилъ Силистрію. Исполненный увѣренностью въ легкости покоренія Шумлы, двинулся къ сей крѣпости, назначивъ даже день вступленія въ Шумлу. Генераль Сабанѣевъ съ отрядомъ отъ корпуса Засса успѣшно взялъ Разградъ.

Приблизившись къ Шумлѣ, графъ Каменскій встрѣтилъ сильную и твердую оборону сей крѣпости и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ убѣдился что безъ правильной осады овладѣть оною не можетъ, почему, оставивъ при Шумлѣ корпусъ графа Каменскаго 1го въ наблюдательномъ положеніи, самъ двинулся къ Рущуку для скорѣйшаго покоренія сей крѣпости.

Отрядъ посланный подъ начальствомъ г. Цезарева къ Варнѣ по малочисленности своей не могъ ничего сдѣлать и возвратился безуспѣшно.

Главнокомандующій прибывъ къ Рущуку нашелъ что осада сей крѣпости производилась съ большимъ успѣхомъ, кромѣ неудачной попытки стоившей убитыми и ранеными до 600 человекъ.

Въ скоромъ времени по прибытіи къ Рущуку графъ Каменскій рѣшился взять сію крѣпость штурмомъ и быстро приготовилъ къ сему всѣ средства. Командовавшій осадой инженеръ генераль-майоръ Гартингъ настоятельно убѣждалъ

главнокомандующаго что предпріятіе это совершится съ успѣхомъ, но генераль Зассъ, артиллеріи генераль-майоръ графъ Сиверсъ и генеральнаго штаба подполковникъ Мишо, пользовавшійся особенною довѣренностію главнокомандующаго, были противнаго сему убѣжденія, но мнѣніе ихъ однакожь при общемъ совѣщаніи было отвергнуто. Не взирая на это, графъ Сиверсъ и Мишо наединѣ убѣждали графа Каменскаго не дѣлать штурма, основываясь на томъ что Турки прикрытые укрѣпленіями защищаются съ необыкновеннымъ мужествомъ, что гарнизонъ несравненно многочисленнѣе атакующихъ войскъ, и что каждый изъ обороняющихся кромѣ сабли и кинжала имѣетъ при себѣ ружье и два пистоleta и пріобыкли въ совершенствѣ владѣть симъ оружіемъ. Всѣ эти резоны не были приняты, и графъ Каменскій выслалъ ихъ, запретивъ строго говорить о семъ предметѣ.

Наканунѣ штурма главнокомандующій графъ Каменскій объѣзжалъ всѣ пѣхотныя войска, каждому полку дѣлалъ наставленія, убѣждая что храбрость, мужество и порядокъ свойственныя русскимъ воинамъ дѣлаютъ несомнѣннымъ взятіе крѣпости. Войска дѣйствительно были одушевлены и готовность побѣдить или умереть были общимъ чувствомъ.

Бошнякъ-Ага чрезъ переметчиковъ зналъ совершенно всѣ подробности приготавлиаемаго штурма, въ продолженіе всей ночи минареты были освѣщены, на валу продолжались безпрерывные осмотры съ фонарями. Сбитый кавальеръ въ продолженіе двухдневной канонады съ брешь-батареи, устроенной на разстояніи восьмидесяти сажень отъ гребня гласиса, возобновленъ такъ что и признаковъ разрушенія не осталось. Не взирая на все это, въ назначенное время, за часъ до разсвѣта, сигнальная ракета пущена и колонны назначенныя къ атакѣ съ быстротою бросились на штурмъ, на всѣхъ пунктахъ, не взирая ни на какія препятствія, спустились въ ровъ, поставили лѣстницы и вошли на валъ, гдѣ сдѣлались гибельною жертвой, встрѣчая на каждомъ шагу непріятеля въ превосходнѣйшихъ силахъ. Взошедшее солнце освѣтило трупы лежавшіе на валу.

Графъ Сиверсъ, командовавшій колонной составленною изъ артиллерійскихъ охотниковъ, съ такою же участію произвелъ атаку лѣвѣе нашей брешь-батареи, приближалъ къ генераль Зассу, бывшему на сей батарее, и убѣдительнѣе просилъ его не дѣлать новыхъ усилій, дабы напрасно

не приносить въ жертву храбрыхъ воиновъ. Но какъ генераль Зассъ не имѣлъ права остановить штурма, то и послалъ его вмѣстѣ со мною сказать это главнокомандующему, бывшему во второй параллели. Графъ Каменскій выслушавъ Сиверса отвѣчалъ ему: „ваша резервная колонна еще не употреблена въ дѣло, возьмите ее, поведите на штурмъ, покажите собою примѣръ, и дѣло кончится съ успѣхомъ“, и въ то же время послалъ приказаніе на всѣ атакующіе пункты чтобы резервы безо всякаго исключенія были употреблены на штурмъ.

Графъ Сиверсъ въ глазахъ нашихъ быстро повелъ резервную колонну, самъ шелъ предъ оною, со свойственною ему необыкновенною храбростію, но на самомъ гребнѣ гласиса былъ пораженъ четырьмя пулями; колонна его, претерпѣвшая жестокое пораженіе во время слѣдованія, бросилась въ ровъ и на валъ, но встрѣтила ту же участь какъ и первая. Я принесъ графа Сиверса на брешь-батарею, онъ едва имѣлъ дыханіе и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Генераль Зассъ послалъ меня за приказаніями къ главнокомандующему: не угодно ли будетъ ему возвратить съ атакованныхъ пунктовъ тѣ изъ войскъ которыя не сдѣлались еще жертвами, на что онъ выслушавъ меня сказалъ: „я увѣренъ что въ числѣ лежащихъ на валу большая часть здоровыхъ и не раненыхъ, которые перелугались и не хотятъ броситься въ крѣпость“, и хотя я докладывалъ ему что бывъ самъ на валу, отвѣчаю что тамъ нѣтъ ни одного живаго кромѣ нѣсколькихъ сотенъ остающихся во рву, но онъ сему не повѣрилъ и приказалъ подполковнику Мишо и адъютанту своему Закревскому идти вмѣстѣ со мною и лично удостовѣриться правду ли я ему говорю и всѣми мѣрами возбуждать остающихся въ живыхъ ко взятію крѣпости.

Едва мы вышли изъ летучей салпы, Закревскій былъ раненъ, а Мишо побѣждалъ со мною ко рву, но въ то самое мгновеніе, бывшіе въ живыхъ во рву войска, встревоженные слустившимися въ оный Турками, выльзая изъ рва бѣжали къ батарее и кричали: „назадъ, назадъ“, чего никакія успія не могли остановить. Мишо вмѣстѣ со мною возвратившись въ салпу, старались удерживать бѣгущихъ и разставляли оныхъ для обороны салпы и ложементовъ, остававшихся все не занятыми никакими войсками. Еслибы Турки въ это время сдѣлали вылазку, хотя въ числѣ тысячи человекъ,

то безо всякой потери могли овладѣть не только всѣми нашими батареями, но взять лагерь и все что только оставалось отъ штурма, не исключая и самого главнокомандующаго, еслибъ онъ не успѣлъ ускакать за Дунай. Такой же конецъ имѣлъ штурмъ и на другихъ пунктахъ атаки.

Въ продолженіе службы моей я былъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ, на многихъ штурмахъ, но нигдѣ не былъ свидѣтелемъ такого ревностнаго и благороднаго самоотверженія съ какимъ погибли храбрые Русскіе воины на несчастномъ и кровопролитномъ штурмѣ Рущука, и не могу постигнуть какими чувствами руководствовался графъ Каменскій, написавшій въ донесеніи къ государю что штурмъ не удался отъ трусости войскъ.

При началѣ штурма всѣхъ войскъ нашихъ съ резервами было подъ ружьемъ отъ четырнадцати до пятнадцати тысячъ человекъ. Потеря убитыми и ранеными простиралась до девяти тысячъ человекъ. Можно судить сколько изъ числа живыхъ находилось для отвода раненыхъ въ назначенные для перевязки пункты и сколько частей было совершенно разстроенныхъ, то это и не оставить сомнѣнія что одна только олошность и невѣжество Турокъ спасли наши остатки.

Не буду распространяться о прочихъ дѣйствіяхъ сей кампаніи графа Каменскаго. Ограничусь указаніемъ на нѣкоторыя важныя событія касающіяся до войскъ отдѣльнаго корпуса. Главнокомандующій, усиливъ войска подъ Рущукомъ присоединеніемъ изъ-подъ Шумлы корпуса графа Каменскаго 1го, нашелся въ возможности усилить отдѣльный корпусъ въ Малой Валахіи, гдѣ дѣла принимали довольно серіозный видъ, ибо Измаиль-Бей собралъ до 30.000 войскъ и намѣревался вторгнуться въ Сербію. Отдѣльный корпусъ поручень г. Зассу и усиленъ четырьмя полками пѣхоты: Тираспольскимъ, конно-егерскимъ, Ольвиопольскимъ гусарскимъ и однимъ казачьимъ. Генераль Зассъ выѣхалъ немедленно изъ подъ Журжи, и прибывъ въ Краевъ, остался тамъ нѣкоторое время для распоряженій къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, до прибытія полковъ отъ Журжи и Турно.

Я долженъ описать здѣсь обстоятельство хотя не касавшееся по началу военныхъ дѣйствій, но въ послѣдствіи сдѣлавшееся важнымъ для кампаніи 1811 года.

Прибывши въ Краевъ съ генераломъ Зассомъ я обратился къ собиранію вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о предшествовавшихъ дѣлахъ, которыя и передали мнѣ со всею основательною точностію Олонецкаго пѣхотнаго полка майоръ Бибиковъ и Половъ, управлявшіе дѣлами первый во время командованія г. Исаева, а второй—графа Цукато. Отъ нихъ между прочимъ узналъ я что въ продолженіе почти всей войны слѣдовавшая изъ Азіи чрезъ Виддинъ въ Австрію хлопчатая бумага, по невозможности везти оную иначе изъ Виддина какъ на вьюкахъ, дорогой ведущею въ Австрійскій Бонатъ, чрезъ Малую Валахію, провозилась тайнымъ образомъ, по злоупотребленіямъ, какъ со стороны аванпостовъ нашихъ, такъ и другихъ лицъ имѣвшихъ вліяніе. Въ послѣднее же время дѣйствіями этими занимался скрытнымъ образомъ служившій при графѣ Цукато майоръ Яри. Г. Зассъ, по докладу моему о семъ, принявъ самыя строгія мѣры къ рѣшительному прекращенію сего зла, послѣдствіемъ чего явились ко мнѣ повѣренный австрійскихъ купцовъ краевскій купецъ Гого, съ тремя другими повѣренными прибывшими въ Краевъ изъ Вѣны. Они объявили мнѣ что въ Виддинѣ по остановившемся пропуску собралось до 15.000 вьюковъ хлопчатой бумаги, за пропускъ которой по прежнему обычаю предлагали за каждый вьюкъ по червонцу. Когда доложилъ о семъ г. Зассу, то онъ, призвавъ сихъ повѣренныхъ къ себѣ, объявилъ имъ что не лучше ли будетъ ежели хлопчатая бумага и другіе товары слѣдующіе въ Австрію чрезъ Виддинъ и Малую Валахію будутъ пропускаться формальнымъ и законнымъ порядкомъ, по сношенію съ виддинскимъ лашой, чѣмъ они были весьма обременены и сами предложили платить въ такомъ случаѣ по два червонца за вьюкъ. Тогда г. Зассъ, взявъ отъ нихъ письменную ноту, послалъ ихъ съ майоромъ Бибиковымъ къ главнокомандующему съ предложеніемъ воспользоваться сею выгодой, ежели не прелятствуютъ сему какія-либо неизвѣстныя ему политическія обстоятельства.

Главнокомандующій совершенно одобрилъ сію мѣру, предложилъ генералу Зассу распорядиться таковымъ провозомъ по его усмотрѣнію и предложить повѣреннымъ не заллатять ли они дороже, въ чемъ и не встрѣтилось никакого затрудненія, и повѣренные актами обязались платить по три червонца за вьюкъ. Тогда вмѣстѣ съ повѣренными майоръ Бибиковъ и переводчикъ Мавро посланы были въ Виддинъ съ письмомъ

генерала Засса къ Муллѣ-пашѣ и безъ затрудненія устроена перевозка бумаги и другихъ товаровъ подъ особымъ надзоромъ майоровъ Полова и Бибикова, что исполнялось ими во все время съ отличною исправностію, благоразуміемъ и безкорыстіемъ и въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ представлено къ главнокомандующему до 115.000 червонцевъ. Такимъ образомъ провозъ сей продолжался до окончанія войны и во время другихъ начальниковъ Краевскимъ корпусомъ.

Первоначальное сношеніе съ виддинскимъ пашой подало мысль генералу Зассу завести съ нимъ тѣснѣйшую тайную связь, въ чемъ успѣлъ онъ до такой степени что Мулла-паша, въ слѣдующую за симъ 1811 года кампанію, не принималъ въ военныхъ дѣйствіяхъ никакого дѣятельнаго участія, а напротивъ того, со всею точностію и вѣрностію извѣщалъ насъ о всѣхъ намѣреніяхъ правительства своего и прибывшаго къ Виддину съ 25.000 корпусомъ Измаиль-бея, что послужило великою пользою къ успѣшнымъ дѣйствіямъ корпуса Засса въ кампанію 1811 года.

Столь важное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ наиболѣе отъ благоразумныхъ дѣйствій майора Бибикова и бывшаго при Зассѣ переводчика Мавро, человѣка бойкаго и необыкновенно смѣтливаго.

Съ другой стороны, по прибытіи въ Краевъ узналъ я что Сербы по распоряженію Букурештскаго дивана получали соль изъ Валахіи съ платой необыкновенно большой пошлины, и главнокомандующій, получивъ о семъ донесеніе отъ генерала Засса, разрѣшилъ уничтожить сіе стѣсненіе для преданныхъ намъ Сербовъ и пропускать соль безо всякой пошлины, чѣмъ они необыкновенно были обрадованы и присылали депутацію для изъявленія благодарности главнокомандующему и генералу Зассу.

Дѣла военныя въ семъ краѣ были въ слѣдующемъ положеніи: графъ Цукато, получивъ отъ верховнаго предводителя Сербовъ Чернаго Георгія увѣдомленіе что Измаиль-бей, собравъ до 30.000 человѣкъ войска, намѣревается сдѣлать вторженіе въ Сербію по долинѣ орошаемой рѣкою Дриной, къ отвращенію чего хотя и построена имъ крѣпость Делиградъ или вѣрнѣе сказать редутъ при рѣкѣ Дринѣ, около сербской границы, но что онъ не имѣетъ надежды удержаться тамъ безъ содѣйствія нашихъ войскъ. Графъ Цукато хотя и не имѣлъ достаточно войскъ для поддержанія

Сербовъ на рѣкѣ Дринѣ, но нашелъ возможнымъ переправить за Дунай ниже сербской крѣпости Кладова отрядъ составленный изъ баталіоновъ Ладожскаго пѣхотнаго, Волынскаго уланскаго и казачьяго Исаева полка, подъ начальствомъ графа Орурка, давъ ему повелѣніе показать въ разныхъ мѣстахъ Сербіи малые отряды кавалеріи и пѣхоты чтобы слухъ о семъ могъ сдѣлать диверсію полезную для Сербовъ, но строго при томъ запретилъ графу Орурку отдаляться отъ береговъ Дуная болѣе чѣмъ на одинъ усиленный переходъ.

Когда извѣстіе о семъ отрядѣ дошло до Чернаго Георгія, то онъ со всею послѣдностію прислалъ къ графу Орурку депутатовъ съ убѣдительною просьбой какъ можно скорѣе идти къ Делиграду, ибо онъ безъ его содѣйствія не можетъ тамъ удержаться и спасти Сербію, и что не получивъ отъ него содѣйствія онъ справедливымъ сочтетъ что мы пожертвовали Сербамъ. Столь важный предметъ заставилъ графа Орурка рѣшиться на послѣднее слѣдованіе къ Делиграду, и онъ выступилъ туда не потерявъ ни одного часу, но на дорогѣ, по которой ему необходимо было слѣдовать, въ тѣсномъ дефиле, находилась турецкая крѣпость Бани, хотя не обширная, но сильно укрѣпленная самою природою и занятая значительнымъ гарнизономъ. Приблизившись къ сей крѣпости, графъ Оруркъ увидѣлъ что дорога по коей ему надлежало слѣдовать съ правой стороны пролегла близъ самыхъ стѣнъ крѣпости, а слѣва на возвышеніи, въ разстояніи на пистолетный выстрѣлъ, устроенъ былъ редутъ; обоимъ сихъ укрѣпленій не было ни малѣйшей возможности. Оставалось одно изъ двухъ, или взять штурмомъ редутъ и тѣмъ заставить покориться крѣпость, или вернуться назадъ. Но такого генерала, какъ графъ Оруркъ, не могли останавливать ни препятствія, ни отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Онъ намѣревался погибнуть, или спасти Сербію. Основываясь на сей мысли, онъ почти не останавливаясь, а только облегчивъ солдатъ и убѣдившись въ храбрости Ладожскаго полка и командовавшаго онымъ полковника Савоина, благословилъ ихъ на штурмъ.

1й баталіонъ храбро бросился на редутъ, но графъ Оруркъ замѣтя что бывшіе впереди солдаты встрѣченные сильнымъ огнемъ изъ редута начали останавливаться и ложиться за камни подскакалъ къ самому рву, приказавъ идти на штурмъ

другому баталіону съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура, что ободрило 1й баталіонъ, и редутъ въ нѣсколько минутъ взять штурмомъ, а полчаса спустя сдалась и крѣпость. Потеря наша не превышала 50 человѣкъ убитыми и ранеными; близъ самаго рва подъ графомъ Оруркѣмъ убита лошадь и тяжело раненъ бывший при немъ адъютантъ Ушаковъ.

Оставивъ въ Бани необходимый гарнизонъ изъ отряда Сербовъ, присоединившихся на дорогѣ, подъ начальствомъ сербскаго воеводы гайдуга Вельки Петровича и отправивъ при маломъ отрядѣ въ Краево лѣвннхъ Турокъ, графъ Оруркъ далъ нѣсколько часовъ отряду отдохнуть и съ послѣдностію продолжалъ слѣдованіе къ Делиграду, въ коемъ узналъ отъ Чернаго Георгія что на другой день они вѣрно будутъ атакованы, что Измаиль-бей остановился на ночлегъ со всѣми силами своими только въ 25 верстахъ и что въ продолженіе настоящаго дня передовой отрядъ Сербовъ дрался цѣлый день съ Турками и принужденъ былъ отступить почти къ самому Делиграду.

Невозможно описать того восторга съ какимъ Сербы встрѣтили наши войска. Каждый изъ нихъ почиталъ себя уже непобѣдимымъ. Графъ Оруркъ, по совѣщаніи съ Чернымъ Георгіемъ, въ тотъ же день и вечеръ устроилъ изъ Ладожскаго полка восемь каре, въ которыхъ переднюю шеренгу составляли наши солдаты, а двѣ заднія—Сербы. Каждый эскадронъ уланъ и сотня казаковъ усилены были особыми резервами изъ сербской кавалеріи и пѣхоты. Восемь легкихъ нашихъ орудій, съ добавленіемъ къ нимъ сербской артиллеріи, размѣщены были по каре, а на другой день стали на позицію, подъ прикрытіемъ Делиградскаго редута. Едва успѣли сіе исполнить, Турки показались и потѣснили передовыхъ Сербовъ, а вслѣдъ затѣмъ Измаиль-бей со всѣми силами стремительно атаковалъ Чернаго Георгія и графа Орурка, но былъ въ полной мѣрѣ изумленъ и твердымъ отпоромъ, и многочисленною пѣхотою нашею, о прибытіи которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія; полагаясь однакожь на свою многочисленность, онъ упорно продолжалъ сраженіе почти цѣлый день, которое и кончилось отраженіемъ его на всѣхъ пунктахъ. Измаиль-бей, претерпѣвъ большую потерю, съ приближеніемъ ночи отступилъ, и въ скоромъ времени удаллся къ Ницѣ.

Генераль Зассъ, по прибытіи къ нему назначеннаго подкрѣпленія, переправился за Дунай между Виддиномъ и Кладовымъ; быстро овладѣвъ турецкимъ ретраншементомъ при Праово и покоривъ крѣпости Неготинъ и Брегово, по полученному извѣстію что Измаиль-бей намѣренъ вторично напасть на Делиградъ, усилилъ отрядъ графа Орурка Олонекимъ пѣхотнымъ полкомъ, чѣмъ и отвращено дальнѣйшее покушеніе Турокъ на Сербію. Когда же, съ наступленіемъ глубокаго осенняго времени, войскамъ назначено было расположиться на зимнія квартиры, то графъ Оруркъ, возвращаясь въ Малую Валахію, сдѣлалъ экспедицію противъ крѣпости Гургусовцы, весьма важной для прикрытія Сербской границы. Появленіемъ этого отряда предъ крѣпостью и успѣшнымъ дѣйствіемъ полевой артиллеріи Турки такъ были встревожены что немедленно сдались на капитуляцію.

Дѣйствія отряда графа Орурка главнокомандующимъ вполнѣ были одобрены, и штурмъ Бани причисленъ къ важнѣйшимъ событіямъ кампаніи.

Кампанія 1811 года подъ начальствомъ генерала Кутузова ознаменована важными событіями и увѣнчана успѣхами необыкновенными, не взирая на значительное уменьшеніе арміи.

Я упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ случаяхъ касающихся дѣйствій корпуса генерала Засса въ Малой Валахіи и за Дунаемъ, коихъ былъ свидѣтелемъ находясь при этомъ корпусѣ.

Кампанія началась сосредоточеніемъ корпуса предъ Краевымъ, въ центральномъ положеніи отъ границъ Сербіи до устья рѣки Ольтеницы. Когда же генераль Зассъ получилъ секретное увѣдомленіе отъ виддинскаго Мулла-лаши, продолжавшаго намъ оказывать постоянную приверженность, что Измаиль-бей съ 25тысячнымъ корпусомъ приближается къ Виддину чтобы совокупно съ сильнымъ виддинскимъ гарнизономъ переправиться близъ сей крѣпости, принудить войска наши къ оставленію Малой Валахіи и симъ разорвать соединеніе наше съ Сербіею, то постигая вполнѣ важность такового событія, принявъ всѣ мѣры чтобы до послѣдней крайности удерживать Турокъ при Дунаѣ, для чего всѣ вой-

ска, кромѣ наблюдательныхъ отрядовъ противу Орсовы и Ломъ-Паланки, быстро двинулъ къ Калафату противъ Видди-на на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ и нашелъ что войска Измаиль-бея подѣ прикрытіемъ виддинскихъ укрѣпленій заняли лѣвый берегъ Дуная и начали тамъ укрѣпляться. Позиція Турокъ на всемъ протяженіи, кромѣ праваго и лѣваго фланговъ, была прикрыта болотистыми камышами, въ которыхъ съ величайшимъ затрудненіемъ могли проходить люди по одиночкѣ, но для движенія кавалеріи и артиллеріи являлась непреоборимая преграда. Оставшіеся на обоихъ флангахъ весьма узкіе перешейки твердой земли хотя и мѣшали намъ атаковать Турокъ, но съ другой стороны позиція эта представляла для насъ тѣ выгоды что устроивъ сильныя редуты противъ перешейковъ и центра позиціи можно было держать Турокъ запертыми въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, на берегу Дуная, на мѣстѣ довольно возвышенномъ и во время разлитія рѣки образующемъ островъ.

Генераль Зассъ, прогнавъ услѣшно высланныя изъ лагеря передовыя турецкія войска за перешейки, немедленно приступилъ къ постройкѣ трехъ редутовъ противъ перешейковъ и центра позиціи. Войска наши расположены были въ трехъ отрядахъ: на правомъ флангѣ подѣ начальствомъ генераль-майора графа Оуррка, на лѣвомъ подѣ начальствомъ генераль-майора графа Воронцова, а въ центрѣ главныя силы корпуса. Предѣ центромъ близъ самыхъ камышей, за курганомъ, который положено было укрѣпить редутами, располагался подѣ моимъ начальствомъ Мингрельскій пѣхотный полкъ.

Турки, увидѣвъ начало построенія редутовъ, въ большихъ силахъ атаквали нашъ правый флангъ, заняли недокоченый редутъ и съ большимъ упорствомъ силились отгнать нашъ правый флангъ подкрѣпленный изъ центра.

Въ это время Мингрельскій полкъ сильною цѣлью стрѣлковъ долженъ былъ препятствовать проходу турецкой пѣхоты чрезъ камыши, но увидѣвъ что они этого не дѣлаютъ, я убѣдился что нечаянность можетъ сильно потревожить Турокъ. Во исполненіе сего, съ двумястами человекъ и нѣсколькими барабанщиками, пробравшись съ большимъ затрудненіемъ чрезъ болотистый камышъ, почти къ самому тому мѣсту мимо котораго проходили турецкія толпы за

перешеекъ, я приказалъ открыть батальный огонь, бить въ барабаны и кричать *ура!*, чѣмъ Турки столь сильно были встревожены что стремительно обратились въ бѣгство и потерпѣли поражение отъ войскъ нашего праваго фланга. Послѣ этого они во все время пребыванія ихъ на сей позиціи болѣе насъ не тревожили; редуты наши были построены и сильно вооружены артиллеріей.

Между тѣмъ генераль Зассъ получилъ повелѣніе главнокомандующаго, для рѣшительнаго пресѣченія всякой возможности спустить турецкую флотилію по Дунаю отъ Виддина къ Руцукъ, взять островъ укрѣпленный Турками противу Ломъ-Паланки и владѣющій обоими берегами Дуная.

Отрядъ изъ трехъ баталіоновъ лѣхоты посланный отъ корпуса для исполненія сего предпріятія былъ порученъ мнѣ, подъ главнымъ распоряженіемъ подполковника Энгельгардта присланнаго отъ главнокомандующаго. Переправа на островъ совершена ночью на лодкахъ дунайской нашей флотиліи, и на разсвѣтъ быстро атакованы турецкія укрѣпленія состоявшія изъ тетъ-де-лона или береговаго укрѣпленія и двухъ отдѣльныхъ редутовъ. Всѣ эти укрѣпленія взяты съ рѣшительною быстротою Мингрельскимъ полкомъ и баталіономъ 43го егерскаго полка переправившимися на островъ подъ моимъ начальствомъ. При взятіи послѣдняго редута я получилъ тяжелую рану въ бокъ пулей, и вслѣдъ за тѣмъ бывшіе въ редутѣ Турки сдались въ лѣвыя. Взятіе сего острова произошло 27 августа, послѣ чего онъ сильно укрѣпленъ и движеніе по Дунаю турецкой флотиліи рѣшительно прекращено.

Измаиль-бей, видя невозможность изъ занимаемой имъ позиціи прорваться въ Малую Валахію, вознамѣрился переправиться на островъ противъ самаго Виддина, изъ котораго въ бродѣ могъ перейти на лѣвый берегъ Дуная и занять Калафатъ, самое возвышенное мѣсто въ трехъ верстахъ правѣ позиціи нашихъ войскъ и обстрѣливаемое съ Виддинскихъ батарей, что слѣдовало ему сдѣлать при самомъ началѣ прибытія къ Виддину, и тогда едва ли можно было отвратить нападеніе его на Малую Валахію.

Генераль Зассъ, предварительно извѣщенный Муллапашой о семъ предпріятіи, хотя и не могъ воспрепятствовать занятію Калафата, но какъ скоро замѣтилъ движеніе Изма-

иль-бея на островъ, немедленно передвинулъ войска въ боевой порядокъ и сталъ противъ Калафата. Турки, стремительно занявъ сей важный пунктъ, атаковали насъ повсемѣстно, со всѣхъ сторонъ окружили каре наши, и произвели на лѣвомъ флангѣ сильнѣйшее нападеніе на Мингрельскій полкъ, дѣйствіемъ сильной батареи направленной на оный взорваны были два зарядные ящика, вслѣдствіе чего разстроилось каре. Турки толпами бросились на оное, и хотя не успѣли сей храбрый полкъ опрокинуть и врубиться въ середину, но оттѣснили его далѣе пятидесяти сажень отъ бывшихъ въ каре четырехъ орудій. Генералъ Зассъ, находившійся въ каре Шлиссельбургскаго полка (гдѣ и я былъ по причинѣ раны, на дрожжахъ графа Воронцова), видя критическое положеніе Мингрельскаго полка, сказалъ мнѣ что ежели бы не рана моя, то никогда бы этого не случилось и что даже въ теперешнемъ положеніи присутствіе мое могло бы спасти полкъ. Я просилъ посадить меня на лошадь и забывъ жестокую боль поскакалъ къ полку, повелъ его толлою въ штыки, разогналъ Турокъ, и взявъ обратно артиллерію нашу, поставилъ полкъ на возвышенное мѣсто, приведя каре въ совершенный порядокъ. Послѣ этого Турки его болѣе не атаковали.

Генералъ Зассъ хотя и не могъ принудить Турокъ оставить Калафатъ, но утвердился предъ нимъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, тремя отрядами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней отряды наши прикрывались ретраншементами и почти на всемъ пространствѣ между ними сдѣланы были волчьи ямы прелятствовавшія прорваться кавалеріи.

Главнѣйшій, получивъ донесеніе о семъ сраженіи, писалъ генералу Зассу: 1) что онъ не находитъ никакой возможности усилить его корпусъ и 2) что онъ совершенно разрѣшаетъ ему въ случаѣ опасности отступить за рѣку Ольту, дабы не подвергнуть войскъ большой опасности. Генералъ Зассъ на это отвѣчалъ что онъ надѣется не только не уступить непріятелю ни шагу, но еслибъ имѣлъ хотя нѣсколько больше войскъ, то переправивъ отрядъ за Дунай и полагаясь на вѣрность виддинскаго лаши, могъ бы принудить Измаиль-бея удалиться за Дунай. Вслѣдствіе сего донесенія были присланы форсированнымъ маршемъ отъ Турно два баталіона 26го егерскаго полка, по прибытіи которыхъ отрядъ подъ начальствомъ графа Воронцова переправился за Дунай въ 15 верстахъ

выше Виддина. Успѣшное дѣйствіе его довольно правильно описано въ военномъ журналѣ; я долженъ только присовокупить что сербскій воевода гайдукъ Велька (у котораго при штурмѣ Бани прострѣлена пулею ладонь), присоединившись изъ Неготина къ войскамъ графа Воронцова съ отрядомъ Сербовъ до 500 человекъ, былъ все время въ авангардѣ подъ моимъ начальствомъ съ нашими стрѣлками, и однимъ своимъ появленіемъ опрокидывалъ Турокъ, которые узнавая его всегда кричали: „гайдукъ Велька! гайдукъ Велька!“ Вотъ нѣкоторыя подробности о немъ.

Будучи природнымъ Сербомъ, онъ первоначально находился въ числѣ тѣлохранителей одного виддинскаго пашы. Когда Черный Георгій успѣшно возстановилъ Сербовъ противу Турокъ, Велька, будучи со своимъ пашею въ загородномъ виддинскомъ саду, убилъ его соннаго, взялъ оружіе и бѣжавъ въ Сербію собралъ шайку, съ которою грабилъ Турокъ, сталъ ихъ грозою и получилъ отъ нихъ прозвище гайдука (разбойника). Черный Георгій въ признательность за его услуги наименовалъ его воеводою и сдѣлалъ своимъ любимцемъ. Въ числѣ достопамятныхъ событій съ нимъ было слѣдующее: Велькѣ понравилась одна замужняя Сербка, которую онъ и отнялъ у мужа, за это по законамъ сербскимъ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Черный Георгій сказалъ: „онъ намъ теперь нуженъ, казнимъ его по окончаніи войны,“ тогда какъ своего брата роднаго за подобный поступокъ приказалъ въ присутствіи своемъ повѣсить на воротахъ его же дома.*

* Воевода гайдукъ Велька послѣ заключенія мира былъ начальникомъ ближайшей къ Виддину сербской крѣпости Неготина. Когда Турки вскорѣ послѣ мира опять начали войну съ Сербами не хотѣвшими принять къ себѣ турецкихъ войскъ, Велька храбро защищалъ Неготинъ, отбилъ нѣсколько нападеній, но въ одномъ сраженіи былъ убитъ, и тогда уже Турки овладѣли Неготиномъ.

II.

Военныя дѣйствія на Адриатическомъ берегу
въ 1806 году.

Вице-адмиралъ Сенявинъ по прибытіи съ эскадрою въ Корфу въ началѣ 1806 года, принялъ главное начальство надъ бывшими тамъ войсками и флотомъ отъ генералъ-майора Анрепа, который отозванъ былъ для другаго назначенія. Въ скоромъ времени онъ узналъ что Французы усиливаются въ Далматіи и заняли многіе острова на Адриатическомъ морѣ, почему тогда же посадивъ на корабли три баталіона Витебскаго пѣхотнаго полка отправился съ эскадрою къ берегамъ Далматіи, взялъ у Французовъ острова Курцолу и Браццу, но узнавъ что сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Лористона занялъ новую Рагузу, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя свѣдѣнія что провинція Бокка ди Катаро занята весьма слабымъ отрядомъ австрійскихъ войскъ, онъ видѣлъ что Французамъ весьма легко овладѣть симъ важнымъ пунктомъ, пріобрѣсти вліяніе на Черногорцевъ, народъ намъ преданный, и имѣть въ своихъ рукахъ, можно сказать, ключъ къ Албаніи и Моретъ; почему немедленно оставивъ около береговъ Далматіи небольшой отрядъ для крейсерованія, обратился въ Бокка ди Катаро и въ самый день прибытія туда склонилъ Австрійцевъ передать въ его руки сію провинцію, занялъ войсками нашими крѣпости Кастельнуово, Эспаньоло и Катаро, и послѣ свиданія съ управлявшимъ неограниченно Черногорцами митрополитомъ Петромъ Петровичемъ Нѣгошемъ, человекомъ обладавшимъ великими дарованіями и искренно преданнымъ Россіи, убѣдился что народъ Черногорскій воинственный и преданный, поединовѣрю къ намъ, окажетъ всѣ возможныя содѣйствія въ войнѣ противъ Французовъ и Турокъ. На семъ основаніи онъ рѣшился не только твердо удержать за нами сію провинцію, но и дѣйствовать наступательно противъ Французовъ занявшихъ Рагузинскую республику. Въ семъ предположеніи онъ тогда же усилилъ изъ Корфу сухопутный отрядъ тремя баталіонами 13го егерскаго полка, двумя баталіонами Колыванскаго и однимъ баталіономъ Козловскаго

лѣхотныхъ полковъ, а въ послѣдствіи присоединилъ къ сему отряду два баталіона 14го егерскаго полка. Весь этотъ отрядъ порученъ былъ шефу 13го егерскаго полка генераль-майору князю Вяземскому, а старше его шефъ Витебскаго лѣхотнаго полка, генераль-майоръ Мусинъ-Пушкинъ, отправился въ Корфу по болѣзни. Имъ при самомъ началѣ вице-адмиралъ Сенявинъ былъ недоволенъ.

Первый отрядъ назначенный въ Катаро состоялъ изъ 13го егерскаго полка, который высаженъ близъ Старой Рагузы, занятой предварительно Витебскимъ полкомъ, въ соединеніи съ Черногорцами до четырехъ тысячъ человѣкъ. Генералъ Лористонъ желая удержать въ рукахъ своихъ горы окружающія крѣпость Новую Рагузу укрѣпилъ оныя и занялъ сильнымъ отрядомъ; но вице-адмиралъ Сенявинъ, желая не потерять время и овладѣть Рагузою прежде прибытія новыхъ войскъ изъ Далматіи, приказалъ князю Вяземскому атаковать Французовъ въ укрѣпленной позиціи подъ самою Рагузой.

Войска наши обще съ Черногорцами приблизились къ позиціи Французами занимаемой, которую они сами почитали неприступною. На отдаленномъ возвышеніи впереди позиціи находилась изъ шести орудій одна ихъ батарея къ которой на самое близкое разстояніе подошелъ первый баталіонъ 13го егерскаго полка, скрываясь отъ выстрѣловъ между огромными камнями покрывавшими гору; при семъ баталіонѣ находился и я, будучи полковымъ адъютантомъ. Къ особенному нашему счастью, при отрядѣ нашихъ войскъ занималъ мѣсто оберъ-квартирмистра недавно перешедшій въ нашу службу изъ Сардиніи майоръ Мишо *, человѣкъ исполненный большими военными дарованіями, храбрый и опытный. Онъ обозрѣвъ позицію Французовъ пришелъ къ сему баталіону и предложилъ командовавшему онымъ капитану Бабичеву стремительно броситься на батарею, что было мгновенно исполнено, и баталіонъ съ необыкновенною быстротою кинулся на батарею и взялъ оную штыками. Весьма мало Французовъ спаслось бѣгствомъ, многіе переколоты на самой батарее, и еще болѣе сдѣлались жертвой Черногорцевъ во время бѣгства на главную позицію, отдѣленную отъ передовой батареи довольно большою долиной; при семъ случаѣ

* Въ послѣдствіи графъ и генераль-адъютантъ.

убить французскій генералъ Делегоргъ командовавшій передовымъ отрядомъ.

Ободренные симъ удачнымъ началомъ, наши войска и Черногорцы стремительно бросились на позицію и овладѣли оною. Французы въ безпорядкѣ скрылись въ крѣпость, потерявъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, и оставили въ нашихъ рукахъ все бывшія съ ними четырнадцать пушекъ; потеря съ нашей стороны едва ли простиралась до тридцати человѣкъ.

Въ это время, по волѣ адмирала Сенявина, я назначенъ при войскахъ въ Бокка де Катаро бригадъ-майоромъ и занималъ эту должность до сдачи Французамъ сей провинціи по Тильзитскому миру. Вслѣдъ за симъ началось самое бѣдственное истребленіе всехъ окрестностей Рагузы Черногорцами, питавшими злобу и ненависть къ Рагузинцамъ съ давнихъ временъ. Звѣрски истребляли они жителей и дома ихъ; все предано было пламени, и не осталось ни одного живаго человѣка и даже дѣтей, кромѣ тѣхъ которые успѣли спастись въ крѣпость, на суда или на острова. Никакими средствами ни убѣжденіями самого митрополита невозможно было остановить мщенія Черногорцевъ.

Одновременно съ атакой Французовъ на горахъ, вице-адмиралъ Сенявинъ сдѣлалъ десантъ на островъ противъ самой крѣпости, нужный для содержанія оной въ тѣсной осадѣ. Островомъ также овладѣли съ успѣхомъ, и вслѣдъ за симъ въ продолженіе трехъ дней съ необыкновенными усиліями втащили на горы до шестнадцати морскихъ орудій и мортиръ самаго большаго калибра, устроены были батареи, и открылась сильная канонада по крѣпости находившейся подъ нашими ногами на разстояніи не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ первые дни Французы дѣлали нѣсколько вылазокъ, но рѣшительно были отбиты и наконецъ не смѣли болѣе выходить изъ крѣпости; стѣсненіе въ оной и бѣдствія были необыкновенны: дома разрушались и горѣли отъ нашихъ выстрѣловъ, и потеря людей, а особливо городскихъ обывателей, была необыкновенно велика.

Такимъ образомъ стѣсненная Рагуза болѣе двадцати дней близка была къ паденію, но генералъ Мармонъ командовавшій въ Далматіи, по первому полученному имъ извѣстію о нашихъ успѣхахъ, послалъ сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Молитора чтобы спасти Рагузу.

Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ адмиралъ Сенявинъ почиталъ невѣроятнымъ прибытіе въ скоромъ времени подкрѣпленія къ Рагузѣ, и потому, несмотря на всѣ убѣжденія князя Вяземскаго снять осаду, упорно продолжалъ онѹхъ надѣясь на скорое покореніе крѣпости. Мы должны были ожидать нашей участи, не взирая на удаленіе Черногорцевъ, которые, узнавъ что Молиторъ приближается уже къ нашей позиціи, ушли ночью къ границѣ Бокка ди Катаро, послѣ чего часу въ двѣнадцатомъ дня мы увидѣли что Молиторъ со значительнымъ отрядомъ стремительно занимаетъ мѣста представлявшія намъ единственную возможность отступить къ Бокка де Катаро.

Князь Вяземскій, приказавъ продолжать съ батареей усиленную пальбу по крѣпости и оставивъ на высотахъ малую часть стрѣлковъ подъ моимъ начальствомъ, собралъ весь отрядъ въ скрытомъ мѣстѣ и рѣшилъ идти противъ Молитора чтобы пробиться къ Старой Рагузѣ и оттуда къ ближайшей Бокеской крѣпости Кастельнуово; но майоръ Мишо, опасаясь что Лористонъ, узнавъ о приближеніи Молитора по первымъ выстрѣламъ и выйдя изъ крѣпости съ его войсками, поставитъ насъ между двухъ огней и подвергнетъ неминуемому уничтоженію, убѣдилъ князя Вяземскаго не теряя ни минуты слѣдовать въ противную сторону и скрытыми мѣстами пробраться въ Порто-Кроче, въ разстояніи отъ крѣпости не болѣе двухъ верстъ, завладѣть находившимися тамъ въ большомъ числѣ рагузинскими купеческими судами и сѣвъ на оныя спастись отрядъ и присоединиться къ Сенявину.

Князь Вяземскій охотно принялъ столь благоразумный совѣтъ, мѣстами скрытыми отъ Молитора и Лористона прошелъ безо всякаго затрудненія къ Порто-Кроче, и когда уже войска наши съ пособіемъ бывшихъ на судахъ Рагузинцевъ начали перевозиться съ берега, Французы замѣтили это изъ крѣпости, и Лористонъ сдѣлалъ сильную вылазку, которая была отбита съ необыкновенною твердостью однимъ баталіономъ 13го егерскаго и баталіономъ Витебскаго лѣхотныхъ полковъ, подъ командою майора Забѣлина, поставленными для прикрытія перевоза войскъ на суда. Въ то же самое время и я со стрѣлками, заклепавъ на батареѣ орудія, присоединился къ симъ баталіонамъ безо всякой потери; наступившая ночь доставила намъ возможность безо всякаго

затрудненія и прелятствія перевезти всѣ войска на суда, а къ утру адмиралъ Сенявинъ подошелъ со всѣмъ флотомъ къ Порто-Кроче и подъ прикрытіемъ сильной канонады съ кораблей присоединилъ къ себѣ рагузинскія суда съ войсками на нихъ бывшими.

Потеря съ нашей стороны во время отраженія вылазки простиралась убитыми и ранеными до 50 человѣкъ. Князь Вяземскій, совершившій столь удачное отступленіе, вслѣдствіе предварительныхъ неудовольствій съ адмираломъ Сенявинымъ сказался больнымъ и сдалъ команду полковнику Божелю, до прибытія назначеннаго изъ Корфу командовать отрядомъ Г. М. Поландополо.

Послѣ перевозки съ кораблей на рагузинскія суда нужнаго числа офицеровъ, матросовъ и потребнаго количества провизіи для продовольствія войскъ мы отправились въ Бокка-ди-Катаро, гдѣ высадились при Кастельнуово и соединившись съ Черногорцами сильнымъ отрядомъ заняли границу Бокескую къ сторонѣ Рагузы, при урочищѣ Дебелый Брегъ, имѣя передовые посты въ Старой Рагузѣ. Такимъ образомъ безо всякаго покушенія противъ насъ со стороны Французовъ простояли мы болѣе двухъ мѣсяцевъ, до полученія адмираломъ Сенявинымъ изъ Парижа увѣдомленія отъ уполномоченнаго нашего Убри что миръ съ Французами заключенъ и по оному провинція Бокка-ди-Катаро уступлена Французамъ, почему войска наши по сдачѣ оной должны возвратиться въ Корфу. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Мармонъ перенесъ главную квартиру свою изъ Далматіи въ Рагузу и настоятельно требовалъ скорѣйшей сдачи Бокка-ди-Катаро. *

Адмиралъ Сенявинъ отвѣчалъ ему рѣшительно что онъ не признаетъ трактата о мирѣ подписаннаго уполномоченнымъ Убри, но не ратификованнаго государемъ императоромъ, по поводу чего и заключено было перемиріе до полученія высочайшаго разрѣшенія изъ Петербурга, на такихъ условіяхъ чтобы войска и флотъ оставались въ занимаемыхъ ими мѣстахъ и не дѣлали никакихъ движеній, кромѣ тѣхъ случаевъ когда адмиралу Сенявину нужно будетъ посылать небольшія военныя суда съ распоряженіями его въ Корфу и

* Извѣстіе это доставилъ Сенявину бывшій у Французовъ въ пѣхну нашъ артиллеріи капитанъ Могденко.

другія мѣста занятыя нашими войсками и флотомъ. Когда же адмиралъ Сенявинъ узналъ что Французы во время перемирія усиливаютъ изъ Далматіи войска въ Рагузѣ, то и самъ присоединилъ изъ Корфу два баталіона 14го егерскаго и одинъ баталіонъ Колыванскаго пѣхотныхъ полковъ. Въ продолженіе перемирія Французы заняли мысъ Пунта-д'Остро, находящійся при входѣ изъ Адріатическаго моря въ Катарскій заливъ, устроили на ономъ сильныя батареи изъ нашихъ орудій, оставленныхъ при Рагузѣ, и нѣсколькихъ крѣпостныхъ большаго калибра, перевезенныхъ туда на судахъ изъ Рагузы. Этимъ они рѣшительно могли возбранить входъ и выходъ нашему флоту изъ Катаро. Многимъ казалось непонятнымъ что адмиралъ Сенявинъ не обращалъ на это никакого вниманія; но когда получено было отъ государя полное одобреніе непризнанія Сенявинымъ мира подписаннаго Убри, и кончилось перемиріе, Сенявинъ на другой же день посадилъ на гребныя суда отрядъ изъ 1,000 человекъ подъ начальствомъ полковника Божеля, сдѣлалъ десантъ на Пунта-д'Остро и безъ сопротивленія взялъ батареи и отрядъ Французовъ на нихъ бывшій, что и объяснило его хладнокровіе съ которымъ онъ смотрѣлъ на занятіе Французами сего важнаго для насъ пункта.

Адмиралъ Сенявинъ, предвидя что Мармонъ употребить всѣ усилія къ отнятію у насъ Катарской провинціи, усилилъ войска наши Черногорцами которыхъ собралось при Кастельнуово до 5.000 человекъ, подъ предводительствомъ митрополита Петра Петровича.

По взятіи Пунта-д'Остро войска наши и до трехъ тысячъ Черногорцевъ, подъ начальствомъ Г. М. Поландополо, заняли позицію на границѣ Бокеской и Рагузинской при урочищѣ Дебелый Брегъ, въ двадцати верстахъ отъ Кастельнуово. Въ скоромъ времени Мармонъ съ 12титысячнымъ корпусомъ приблизился къ нашей позиціи, и генералъ Поландополо видя многія неудобства занимаемой имъ позиціи отступилъ и занялъ предъ Кастельнуово въ пяти верстахъ позицію удобнѣйшую для отраженія Французовъ, ежели Черногорцы удержутъ высоты бывшія на нашемъ правомъ флангѣ, которыя давали возможность обойти нашъ флангъ и отрѣзать отступленіе. Послѣ сего чрезъ два дня Мармонъ сталъ предъ нами въ боевой порядокъ, а вице-адмиралъ Сенявинъ далъ

приказаніе генералу Попадополо, не взирая на неравенство силъ, принять сраженіе и защищаться до послѣдней крайности. Нашими дѣйствіями подъ главнымъ распоряженіемъ Попадополо, генерала хладнокровнаго, распорядительнаго и знающаго свое дѣло, преимущественно руководилъ искусный и храбрый майоръ Мишо.

Въ 8 часовъ утра Французы атаковали насъ на всѣхъ пунктахъ. Главнѣйшее стремленіе обращено было на нашъ лѣвый флангъ и центръ, гдѣ два раза съ невѣроятною храбростію всѣ покушенія ихъ были отражены. Мармонъ, видѣвшій такую непреодолимую твердость нашихъ войскъ, обратилъ главнѣйшую атаку на Черногорцевъ, которые не могли долго держаться и отступили стремительно въ горы, оставивъ насъ однихъ. При началѣ сей атаки майоръ Мишо вмѣстѣ со мною и двумястами стрѣлковъ 13го егерскаго полка присоединились къ Черногорцамъ, для ободренія ихъ. Онъ имѣлъ неосторожность отдѣлиться отъ насъ, и такъ какъ онъ не зналъ русскаго языка и былъ одѣтъ въ мундиръ отличавшемся отъ нашихъ офицеровъ, то Черногорцы принявъ его за французскаго офицера окружили толпою. Одно еще мгновеніе и онъ былъ бы безъ головы, по примѣру всѣхъ Французовъ попадавшихъ въ руки Черногорцевъ, ибо они, не взирая на обѣщаніе что за cadaго представленнаго ими живаго плѣннаго будутъ получать по десяти червонцевъ, никогда не приводили ни одного живаго, но считали за особую славу рѣзать головы. Увидѣвъ что Черногорцы бросились толпами въ ту сторону куда пошелъ Мишо, я побѣжалъ туда съ нѣсколькими егерями, съ большимъ затрудненіемъ едва могъ протѣсниться среди толпы Черногорцевъ и увидѣлъ много кинжаловъ надъ головой Мишо, но когда Черногорцы услышали отъ меня что это нашъ офицеръ, то бросились обнимать его, извиняясь въ своей дерзости.

Генералъ Попадополо, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, не могъ долѣе удерживаться не подвергнувъ отряда совершенному уничтоженію, почему и началъ отступление къ крѣпостямъ Кастельнуово и Эспаньоло, отражая на каждомъ шагу съ необыкновенною твердостію всѣ стремительныя покушенія Французовъ, и занявъ крѣпости не допустивъ нашихъ войскъ ни на одномъ пунктѣ до разстройства.

Въ семъ сраженіи главнѣйше оказали содѣйствіе и необы-

квоенную храбрость 13й егерскій и Витебскій полки, командовавшій артиллеріей штабъ-капитанъ Александръ-Засядко, Витебскаго пѣхотнаго полка поручикъ Кличко, который и раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости, но главнѣйшее содѣйствіе отъ начала до конца сраженія было оказано достойнымъ майоромъ Мишо, который обще съ инженеръ-подполковникомъ Джаннотти устроили все наилучшимъ образомъ и къ оборонѣ крѣпостей. Мармонъ немедленно занялъ всѣ ближайшія высоты и открылъ сильную канонаду, а на другой день требовалъ сдачи и получилъ рѣшительный отказъ. На третій день митрополитъ съ Черногорцами показался въ тылу Французовъ, что и принудило Мармона отступить къ Рагузѣ, послѣ чего онъ уже болѣе не предпринималъ наступательныхъ противу насъ дѣйствій до заключенія мира. Потеря наша въ семъ сраженіи простиралась убитыми, ранеными и плѣнными до 800 человекъ. Французы же, по всѣмъ свѣдѣніямъ подтвердившимся въ послѣдствіи, потеряли вдвое болѣе. Плѣнные наши до 200 человекъ были размѣнены въ скоромъ времени на такое же число Французовъ взятыхъ въ Курцолѣ.

Адмиралъ Сенявинъ, видя бездѣйствіе Французовъ, взялъ на корабли изъ отряда нашего 13й егерскій полкъ, баталіонъ Витебскаго и баталіонъ 14го егерскаго и отправился съ сильною эскадрой въ Адриатическое море для нанесенія Французамъ пораженія на островахъ близъ Далматіи. Съ быстрою рѣшимостью взялъ островъ Брацца съ отрядомъ на немъ бывшимъ, потомъ высадилъ десантъ на островъ Курцолу. Въ продолженіе трехдневной осады принудилъ къ сдачѣ на капитуляцію крѣпость сего же имени. По условію съ гарнизономъ бывшимъ подъ начальствомъ полковника графа Орфенгъ, штабъ и оберъ-офицеры перевезены въ крѣпость Зару и сданы Французамъ, а нижніе чины, какъ военноплѣнные, отправлены въ Корфу. Во время сей экспедиціи особенно отличился 13й егерскій полкъ. Потеря съ нашей стороны простиралась до 50 человекъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ находился храбрый 13го егерскаго полка поручикъ Воейковъ, обратившій на себя особенное вниманіе адмирала, который и отдалъ его на корабль *Твердый* подъ особое попеченіе командира онаго капитана 1го ранга Малѣва.

Въ это время вице-адмиралъ Сенявинъ получилъ изъ Петербурга повелѣнiе о войнѣ съ Турками, и ему поставлено было главною цѣлью соединиться съ англійскою эскадрою въ Архипелагѣ и дѣйствовать противъ Дарданеллъ, а въ случаѣ возможности и самаго Константинополя. Вслѣдствiе чего онъ, оставивъ для крейсерованiя при Курцолѣ и Браццѣ бригъ *Александръ* подъ начальствомъ лейтенанта Сколовскаго, со всею эскадрою и отрядомъ занимавшимъ Курцолу и Браццу прибылъ въ Бокка-ди-Катаро для сдѣланiя дальнѣйшихъ распоряженiй; въ то же время государю угодно было чтобы генералъ Попандополо формировалъ въ Корфу четыре Албанскiе легiона.

Адмиралъ Сенявинъ, оставивъ въ Катаро корабли *Св. Петра* и *Москву*, фрегатъ *Михаилъ* и нѣсколько военныхъ транспортныхъ судовъ подъ начальствомъ капитана 1го ранга Бяратинскаго и поручивъ сухопутныя войска 14го егерскаго полка полковнику Книперу, предписалъ чтобъ они во время его отсутствiя дѣйствовали во всѣхъ случаяхъ не иначе какъ по общему совѣщанiю, при каковыхъ совѣщанiяхъ я былъ назначенъ правителемъ дѣлъ.

Еще до выступленiя Сенявина изъ Катаро возвратился туда бригъ *Александръ* который при островѣ Брацца былъ атакованъ во время шторма вышедшими изъ Зары нѣсколькими гребными судами съ десантными войсками и орудiями большаго калибра; въ числѣ сихъ судовъ находился ботъ *Наполеонъ*. Они приблизились къ бригу *Александръ*, открыли сильную канонаду, но видя рѣшительную оборону, предприняли взять его на abordажъ. Лейтенантъ Сколовскiй защищался до послѣдней крайности, всѣ офицеры кромѣ его были убиты и ранены, изъ команды едва ли оставалась третья часть въ живыхъ, заряды всѣ были выпущены, Французы осылая пулями приближались на нѣсколько сажень и погибель брига *Александръ* казалась неизбежною, но подувшiй въ то самое время вѣтеръ послужилъ храброму Сколовскому ко спасенiю, и послѣднiй вступивъ подъ паруса потопилъ нѣсколько французскихъ судовъ и взялъ въ плѣнъ ботъ *Наполеонъ*. Адмиралъ Сенявинъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ дѣйствiй Сколовскаго что на праздникъ который онъ давалъ въ Кастельнуово въ день Богоявленiя, предъ выступленiемъ, для всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, самъ съ капитанами кораблей качалъ Сколовскаго на рукахъ.

Послѣ отбытія Сенявина и объявленія войны съ Турками, повѣренный въ дѣлахъ находившійся въ Бокка-ди-Катаро статскій совѣтникъ Санковскій, обще съ митрополитомъ Петромъ Петровичемъ настоятельно предложили полковнику Книперу сдѣлать экспедицію для овладѣнія турецкою крѣпостью Никшичъ и укрѣпленіемъ Клобукъ, прилегающими къ черногорскимъ границамъ, какъ пунктами весьма важными для совершеннаго обезпеченія Черногорцевъ отъ нападѣнія Турокъ и напротивъ дающимъ средство Черногорцамъ съ удобностію производить вторженія въ провинцію Герцеговину. Полковникъ Книперъ, имѣя въ виду главнѣйшій предметъ, защиту Бокка-ди-Катаро отъ Французовъ, долго не соглашался на это предложеніе, но убѣжденія митрополита и ноты Санковскаго, коими онъ упрекалъ даже Книпера что подобнымъ отказомъ онъ охладитъ привязанность къ намъ Черногорцевъ и потеряетъ ихъ усердное содѣйствіе противъ Французовъ, принудили Книпера, по совѣщаніи съ капитаномъ Iго ранга Барятинскимъ, рѣшиться сдѣлать предлагаемую экспедицію, для которой и были командированы 13й Егерскій полкъ подъ командой подполковника Забѣлина и баталіонъ Витебскаго полка подъ командой майора Безобразова. Первый назначался для овладѣнія Никшичемъ, а послѣдній—Клобукомъ, гдѣ по увѣренію Санковскаго былъ весьма малый гарнизонъ и самыя укрѣпленія въ запущенномъ положеніи. Къ симъ отрядамъ присоединилось до 2,000 Черногорцевъ.

Майоръ Забѣлинъ приблизясь къ Никшичу съ успѣхомъ занялъ форштатъ, и самая крѣпость будучи стѣсненною не могла бы долго обороняться, но въ то же время получилось извѣстіе что майоръ Безобразовъ при Клобукѣ былъ окруженъ превосходнымъ числомъ Турокъ которые атаквали его и принудили отступить въ Катаро съ потерю до 150 человекъ; причемъ самъ Безобразовъ убитъ. Поэтому Забѣлинъ, разсуждая что Турки дѣйствовавшіе противъ Безобразова обратятся на него и поставятъ въ самое опасное положеніе, рѣшился отступить, что исполнилъ немедленно и безъ потери людей, такъ что Турки слѣдовавшіе съ послѣдностію отъ Клобука къ Никшичу прибыли туда чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его отступленія.

Симъ кончились военныя дѣйствія въ провинціи Бокка-ди-Катаро предъ заключеніемъ Тильзитскаго мира.

Дѣйствія адмирала Сенявина въ Архипелагѣ описаны съ большою точностію В. Броневскимъ.

Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, прибыли изъ Триеста на нашемъ бригѣ фельдъегерь и адъютантъ Бертье, полковникъ Мутонъ; первый привезъ Высочайшее повелѣніе на имя командовавшаго флотомъ и войсками въ Бокка-ди-Каттаро и другое такое же повелѣніе на имя адмирала Сенявина съ которымъ и былъ немедленно отправленъ, но когда Мутонъ вошелъ въ отведенную ему на кораблѣ каюту, то фельдъегерь вручилъ тайнымъ образомъ Барятинскому другое секретное повелѣніе, предваривъ на словахъ что оно должно остаться великою тайною для Мутона.

Въ открытомъ Высочайшемъ повелѣніи предписано было сдать провинцію Бокка-ди-Каттаро Французамъ, а войскамъ и флоту слѣдовать въ Венецію, гдѣ первыя высадить на берегъ и расположить въ Падуѣ и Тревизѣ до соединенія тамъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ находящихся на Ионическихъ островахъ и въ Архипелагѣ, и состоять на продовольствіи отъ Французскаго правительства. Въ другомъ же секретномъ повелѣніи сказано было чтобы, по заключенному трактату съ королемъ Великобританскимъ, во всѣхъ случаяхъ избѣгать всего что только можетъ клониться къ нарушенію мира съ Англіей, но содержать это въ большой тайнѣ отъ Французскаго правительства.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Кастаньюово изъ Рагузы генералъ Лористонъ, для сдѣланія предварительныхъ распоряженій о принятіи отъ насъ провинціи и запасовъ продовольствія, а вслѣдъ за нимъ прибылъ Мармонъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней войска наши посажены на суда, а провинція занята Французами. Невозможно описать въ какую горестъ повергнуло это событіе Бокесцовъ и Черногорцевъ. Митрополитъ Петръ Петровичъ немедленно удался въ Черногорію, въ монастырь Нѣгошъ, и Мармонъ желавшій съ нимъ видѣться получилъ нѣсколько рѣшительныхъ отказовъ, но наконецъ, по убѣдительному настоянію, митрополитъ согласился имѣть свиданіе съ Мармономъ на самой чертѣ границы Черногорской, съ тѣмъ условіемъ чтобы Мармонъ и онъ имѣли при себѣ только по два чиновника, а конвои обоихъ находились бы въ милѣ отъ пункта свиданія. Всѣ усилія Мармона склонить на свою сторону митрополита и народъ имъ управляемый не имѣли ни

малѣйшаго успѣха и съ твердостію были отвергнуты, послѣ чего они разстались и митрополитъ убѣдительно просилъ не предлагать ему вторично свиданія, объявивъ что преданности его и народа Черногорскаго къ Россіи ничто не измѣнитъ.

Послѣ выступленія изъ Бокка-ди-Катаро во время слѣдованія къ Венеціи въ Адриатическомъ морѣ, мы попали между циклоновъ, и одинъ изъ нихъ пройдя чрезъ корабль *Петръ* сдѣлалъ ему величайшія поврежденія, что принудило Барятинскаго зайти съ эскадрою въ ближайшій портъ Пирано для починки изломанныхъ на кораблѣ *Петръ* реевъ и стѣнь, а также поврежденій на другихъ судахъ. На другой день послѣ прибытія нашего въ Пирано пришли туда два англійскіе фрегата подъ начальствомъ командира Кампбеля, который при свиданіи съ Барятинскимъ, узнавъ что онъ слѣдуетъ въ Венецію, объявилъ что болѣе шести мѣсяцевъ блокируетъ сей портъ и вступленіе въ оный нашей эскадры долженъ будетъ счесть дѣйствіемъ непріязненнымъ.

Барятинскій, имѣя въ виду секретное повелѣніе, рѣшился немедленно послать Витебскаго полка капитана князя Шухматова въ Вѣну, къ полномочному нашему министру князю Куракину, прося его совѣта какъ слѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, а между тѣмъ до полученія отвѣта перешелъ съ эскадрою въ Триестъ, гдѣ могъ найти всѣ матеріалы для починки поврежденій. По прибытіи туда чрезъ восемь дней получилъ отъ князя Куракина отвѣтъ, который писалъ Барятинскому съ упреками что онъ усомнился исполнить высочайшую волю и что на его мѣстѣ, несмотря ни на какія представленія англійскаго командира, будучи несравненно сильнѣе его пошелъ бы прямо въ Венецію, и еслибы командиръ въ такомъ случаѣ рѣшился оказать сопротивленіе, то на его отвѣтственности и остался бы сей поступокъ, о секретномъ же повелѣніи не упоминалъ ни слова, какъ бы ему оно вовсе извѣстно не было.

По окончаніи починокъ на судахъ мы прибыли въ Венецію не встрѣчая нигдѣ англійскихъ фрегативъ. Войска были высажены на берегъ и расположились въ назначенныхъ мѣстахъ гдѣ и оставались до прибытія всѣхъ войскъ съ Ионическихъ острововъ и Архипелага, изъ коихъ и образована 15я пѣхотная дивизія; 1я бригада: Витебскій и Козловскій полкъ; 2я Куринскій и Колыванскій; 3я, 13я и 14я егерскіе полки, коими

до прибытія назначеннаго дивизіоннаго начальника генералъ-лейтенанта Маркова командовалъ старшій генералъ-майоръ Назимовъ.

Послѣ предварительнаго распоряженія министра нашего въ Вѣнѣ съ Австрійскимъ правительствомъ, за которымъ посылаемъ былъ командиръ 3й бригады князь Вяземскій, дивизія выступила по полкамъ и слѣдовала черезъ Австрію и Венгрію для соединенія съ Молдавскою арміею. Во время слѣдованія черезъ Венгрію, мы видѣли на каждомъ шагу необыкновенную привязанность Венгерцевъ къ Россіи.